

В. И. Мусаев

Независимость стран Балтии и «русский вопрос»¹

После распада Советского государства в 1991 г. несколько десятков миллионов людей, относившихся к «нетитульным» национальностям бывших союзных республик, ставших независимыми государствами, оказались на положении диаспор. Самой большой такой новой диаспорой стали этнические русские, проживавшие за пределами Российской Федерации. Процесс адаптации к новым условиям на положении этнического меньшинства для русских во всех бывших «братских» республиках проходил сложно, особенно с учетом того, что ни в одном из постсоветских государств, за исключением Белоруссии, русский язык не получил статуса государственного.

Особой остротой «русский вопрос» отличался в странах Балтии. Специфика ситуации в этом регионе заключалась в том, что здесь конфликты возникали не только на бытовом уровне (в других бывших союзных республиках, например в некоторых среднеазиатских, они принимали и более острые формы). Здесь также имело место ущемление гражданских прав местных русских в законодательном порядке. Дискриминация русскоязычного меньшинства в Прибалтийских государствах, особенно в Латвии и Эстонии, стала одним из основных препятствий на пути нормализации отношений Российской Федерации с этими государствами.

**Мусаев
Вадим
Ибрагимович,**
доктор исторических
наук, ведущий
научный сотрудник,
Санкт-Петербургский
институт истории
РАН
(Санкт-Петербург,
Россия)

Националистическая пропаганда в странах Балтии оправдывает дискриминацию русских как «некоренных» жителей, «оккупантов», «понаехавших» в Прибалтику после 1940 г., т. е. в советский период, создавая имидж своих стран в первый период независимости (1918–1940 гг.) как якобы моноэтнических. Между тем этнически однородным население стран Балтии не было никогда. В бывших владениях Ливонского ордена (в Эстонии и большей части Латвии) имелся значительный слой немецкого населения, в городах до середины XIX в. немцы были доминирующим элементом, в Эстонии проживали также несколько тысяч шведов. В Литве во времена Речи Посполитой обосновалось большое число поляков и евреев, в Виленском крае польский язык и культура играли доминирующую роль в духовной жизни.

Что касается русской диаспоры в Прибалтике, история ее формирования восходит к XVIII в., когда эта территория вошла в состав Российской империи: Эстляндия (Северная Эстония) и Лифляндия (Южная Эстония и Северная Латвия, или Видземе) по Ништадтскому миру 1721 г. между Россией и Швецией, а Литва и остальная часть Латвии (Курземе, Земгале и Латгале) — в результате третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. На протяжении XIX — начала XX в. численность русского населения в Прибалтийских губерниях, особенно в крупных городах, медленно, но неуклонно росла. Экономический бум начала XX в., когда в Риге и Ревеле (Таллинне) был построен ряд крупных предприятий, способствовал притоку в Прибалтику квалифицированных рабочих и специалистов из внутренних российских губерний. Кроме того, русские в это же время существенно опережали другие этнические группы по удельному весу среди работников администрации, суда и полиции. В 1897 г. среди населения Риги удельный вес русских был равен 16,9 %, а к 1913 г. русское население уже составляло 21,2 % жителей города, обойдя по численности немцев. Всего же в Латвии на тот момент проживало до 300 тыс. русских².

В ставших независимыми в 1918–1919 гг. Прибалтийских государствах численность русского населения еще несколько увеличилась. В соответствии с условиями Тартуского мирного договора между Эстонией и Советской Россией от 2 февраля 1920 г. к Эстонии отошли небольшие части Петроградской (правый берег р. Наровы) и Псковской (район Печоры — Изборск) губерний с преобладающим русским населением. По данным эстонской переписи населения 1922 г., на территориях, уступленных Советской Россией Эстонии, проживали около 52,5 тыс. русских³. Кроме того, в Эстонии и Латвии осело некоторое число беженцев и эмигрантов из Советской России. Всего в 1920-х — 1930-х гг. в странах Прибалтики проживало около 350 тыс. русских, из них около 200 тыс. в Латвии, около 91 тыс. (из них около 18 тыс. эмигрантов) в Эстонии и около 55 тыс. в Литве⁴. В Эстонии русские, помимо территорий, отошедших от России по Тартускому миру, проживали главным образом в Нарве (около трети населения) и Таллинне (около 7,5 тыс. чел.). В Латвии русское население концентрировалось преимущественно в Риге (в 1935 г. — около 28,3 тыс. чел.) и в области Латгале (около 154 тыс. чел., составляя соответственно 20 и 18 % среди населения городов Резекне и Даугавпилс)⁵. К середине 1930-х гг. подавляющее большинство русских в Латвии имели латвийское гражданство: по данным переписи населения 1935 г., среди более чем

200-тысячного русского населения числились 3953 обладателя «нансеновских» паспортов и 2532 гражданина других государств⁶.

Наиболее значительным рост русского и вообще пришлого населения в Прибалтике был в советский период. В основном это были рабочие и инженерно-технический персонал, трудившиеся на крупных предприятиях, строительных объектах и в добывающей промышленности. Доля русских была велика и среди руководящих партийных, советских и хозяйственных кадров. Среди членов Компартии Латвии русские к концу советского периода (43 %) даже преобладали над латышами (40 %). Соотношение эстонцев и русских в Компартии Эстонии выглядело как 50 % и 39 %, литовцев и русских в Компартии Литвы — 71 % и 17 %⁷. Наиболее активно рабочая сила и специалисты извне привлекались в прибалтийские республики в первые послевоенные годы — 1945–1953 (в этот период в Латвию переселились более 400 тыс. чел., в Эстонию — более 200 тыс. чел.)⁸. В дальнейшем интенсивность иммиграции заметно снизилась. Некоторые из переселенцев возвращались в Россию или в другие республики, из которых они происходили. Однако на протяжении всего советского периода число прибывавших в Прибалтику неизменно превосходило число убывавших. К середине 1960-х гг. численность этнических русских в прибалтийских республиках перевалила за миллион и в дальнейшем продолжала расти⁹.

Динамика изменения этнического состава населения была различной в Эстонии и Латвии, с одной стороны, и в Литве — с другой. В двух первых республиках общее число и удельный вес русского и в целом славянского (русскоговорящего) населения в послевоенный период постоянно увеличивались, к концу 1980-х намного превысив показатели довоенного времени. Если в середине 1930-х гг. эстонцы в Эстонии составляли 88 % населения, а русские — 8,2 % (вместе с другим меньшинствами — около 12 %), то в 1959 г. эти цифры были равны соответственно 74,6 и 20,1 %, в 1989 г. — 61,5 и 30,3 %, т. е. население республики почти на треть состояло из лиц «нетитульной» нации. Такая же тенденция наблюдалась и в Латвии. В середине 1930-х гг. доля латышей и русских в населении республики составляла соответственно 76 и 10,6 % (вместе с другими меньшинствами — около 24 %), в 1959 г. — 62,0 и 26,6 %, а в 1989 г. в республике было 52 % латышей и 34 % русских¹⁰. Более высоким среди «неславянских» союзных республик удельный вес русского населения был только в Казахстане.

В Литве, напротив, за этот период выросли численность и удельный вес литовцев: в 1920-е гг. соотношение литовцев и национальных меньшинств в республике выглядело как 69,2 на 31,8 %, а в конце 1980-х гг. — как 79,6 на 20,4 %¹¹. Связано это с тем, что в Литву, где промышленность была не так высоко развита, как в двух других республиках, и крупных предприятий насчитывалось значительно меньше, приток рабочей силы извне шел гораздо менее интенсивно. Вместе с тем естественный прирост среди литовцев, в силу конфессиональной принадлежности к католической церкви более приверженных традиционным семейным ценностям, был выше, чем среди латышей и эстонцев, преимущественно лютеран. Кроме того, в довоенной Литве была велика численность еврейского населения — к 1939 г. она составляла около 200 тыс. чел. В период немецкой оккупации Прибалтики литовские евреи подверглись почти поголовному истреблению — до 170 тыс. чел. были убиты или погибли в гетто и концлагерях¹². Одна из крупнейших миноритарных

групп населения республики почти полностью исчезла, что способствовало увеличению доли титульного населения. Выселена из Литвы была и часть польского населения, хотя здесь выселение поляков не имело такого массового характера, как в Западной Белоруссии и Украине. К концу 1980-х гг. численность польского населения Литвы была равна примерно 258 тыс. чел., что составляло около 7 % всех жителей республики¹³.

Большинство русского и русскоязычного населения республик Прибалтики были городскими жителями. В Эстонии в 1989 г. горожане составляли 87 % русского населения, в Латвии — 73 %, в Литве — 77 %. При этом особенно велика была концентрация русских в столицах. Среди жителей Таллинна в 1989 г. было 41 % русских и 49 % русскоязычных, среди жителей Риги — соответственно 47 % и 58 %, Вильнюса — 20 % и 28 %¹⁴. В Риге, таким образом, русскоязычные численно преобладали над латышами. Славянское население также составляло более половины жителей Даугавпилса — второго по величине города Латвии. В Эстонии русские преобладали в городах на северо-востоке республики: Нарве (где доля русских доходила до 90 %), Кохтла-Ярве и Силламяэ — в районе разработок сланца и фосфоритов, где русские составляли подавляющее большинство рабочей силы. В Литве единственным населенным пунктом, в котором преобладало русское население, был город Снечкус (в 1992 г. городу возвращено его прежнее название — Висагинас): поблизости от него находилась Игналинская АЭС, обслуживающий персонал которой был почти исключительно русский. Всего же в балтийских республиках, согласно данным последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., насчитывалось 1 млн 724 тыс. русских, что составляло 21,8 % всего населения. Из них в Эстонии проживали 475 тыс. русских (30,3 % всего населения республики, всего меньшинств — 38,5 %), в Латвии — 906 тыс. (34 % населения, вместе с другими русскоговорящими — 1 млн 122 тыс. — 48 %), в Литве — 344 тыс. (9,4 % населения)¹⁵.

При официальном двуязычии в национальных республиках уровень владения русскими жителями Прибалтики «титульными» языками был относительно низок. По данным переписи населения 1989 г., в Эстонии только 14,9 % русского населения республики свободно владели эстонским языком. В Латвии на латышском языке свободно говорили 22,2 % местных русских, в Литве на литовском — 37,5 %. Столь низкий уровень владения эстонским языком среди русских в Эстонии объяснялся тем, что здесь значительная часть русских жителей концентрировалась на определенной территории (северо-восток), где они преобладали среди населения и потому не видели большой необходимости изучать язык основного населения республики. В Литве, напротив, русские были расселены дисперсно, поддерживали более тесные отношения с литовцами и, таким образом, им приходилось активнее усваивать литовский язык. Уровень владения русским языком среди «титульного» населения был в целом выше: свободно по-русски говорили 34,5 % эстонцев, 68,3 % латышей и 38 % литовцев¹⁶.

Отношения между русскими и представителями «титульного» населения Прибалтики складывались неоднозначно. Расширение использования русского языка, низкий уровень владения местными языками среди «некоренного населения», особенно в Эстонии и Латвии, порождали среди «титульных групп» тревогу

за судьбу родного языка. По мнению британского исследователя Н. Мелвина, именно защита родного языка и культуры стала «центральным аргументом по оправданию политической активности в странах Балтии во время перестройки»¹⁷. Элемент взаимного отчуждения между «коренными» и «некоренными» жителями, безусловно, присутствовал, возникали иногда и столкновения на этнической почве. В частности, выступления латышских студентов с антирусскими лозунгами и столкновения между латышской и русской молодежью отмечались в Риге в мае 1985 г. Схожие столкновения прошли в Тарту в сентябре того же года и в Риге в мае 1987 г.¹⁸ Однако, с другой стороны, просматривалась и тенденция к сближению, о чем говорят явления межнациональных браков (пусть и не слишком многочисленные), следствием чего стала постепенная ассимиляция части русских. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что при переписи некоторые жители Прибалтики, идентифицировавшие себя как русские, в качестве родного указали один из балтийских языков (литовский — около 14 тыс. чел., латышский — около 10 тыс., эстонский — около 6 тыс.)¹⁹.

В период движения за независимость в республиках Прибалтики в 1988–1991 г. представители русского населения занимали различные позиции. Часть русских (а также этнических поляков в Литве) выступала против выхода из состава Советского Союза. Сторонники сохранения единства с СССР основали собственные организации: объединение «Единство» (лит. *Vienibe*, пол. *Jedność*) в Литве, Интернациональный фронт трудящихся (Интерфронт) в Латвии, Интердвижение в Эстонии²⁰. Эти организации создавались на базах крупных промышленных предприятий, некоторую поддержку им оказывали партийная номенклатура, структуры Прибалтийского военного округа, ветеранские организации. Поиск неких форм самоорганизации был необходим для прибалтийских русских также в целях защиты своих прав и противостояния антирусским тенденциям, становившимся все более очевидными в национальных движениях.

Для прибалтийской публицистики того времени типичным был негативный образ русских «мигрантов» и «оккупантов», в котором причудливо сочетались два плохо вяжущихся друг с другом, но одинаково неприятных аспекта: «люмпены» и господа-колонизаторы. На учредительном съезде Народного фронта Эстонии в одной из резолюций о «мигрантах» говорилось как о «громadной массе низкоквалифицированных и некультурных людей»²¹. Подобный пассаж отдавал явным шовинизмом. В своей программе Народный фронт подверг критике «великодержавную ассимиляционную политику, приводящую к бессмысленной миграции и механическому смешению людей разной национальности»²². Часть русскоязычных деятелей культуры балтийских республик выступала против отделения от СССР, но другая часть, в большей степени проникнутая либеральными и прозападными настроениями, поддерживала народные фронты (тем более что некоторые прибалтийские политики из тактических соображений старались до поры до времени не афишировать свою неприязнь к русским и заигрывали с русскоязычной интеллигенцией). Консолидации русскоязычного населения Прибалтики препятствовала и его идеологическая дезориентация: фактор этнического единства для него не имел существенного значения, а советская коммунистическая идеология все больше утрачивала свою силу и привлекательность.

При проведении в Прибалтике в феврале–марте 1991 г. республиканских референдумов о независимости немало русских жителей всех трех республик подали голоса в пользу независимости. Так, в Латвии за независимость высказались 73,3 % участников референдума, т. е. 64,6 % всех избирателей, хотя доля латышей в составе населения была только 52 %. В Литве при опросе, проводившемся 11 марта 1991 г., независимость поддержали 38,2 % русских, выразили сомнение 34,9 %, резко против были только 12,9 %. В Нарве, где доля эстонцев среди населения города составляла лишь 4 %, за независимость высказались 25,49 % голосовавших (17,87 % лиц, имевших право голоса). По данным эстонских социологов (возможно, впрочем, несколько завышенным), за независимость Эстонии выступали около 30 % местных русских²³. По мнению П. Колсто, норвежского исследователя национальных отношений в СССР и на постсоветском пространстве, для многих русских, поддержавших идею независимости Прибалтийских республик, приоритетными были экономические соображения: они рассчитывали на быстрый и успешный переход этих стран к рыночной экономике, который позволит им избежать погружения, вслед за Российской Федерацией и другими бывшими советскими республиками, в пучину глубокого социально-экономического кризиса²⁴.

Однако надеждам тех русских в странах Балтии, которые поддержали борьбу балтийских народов за независимость, на то, что в новых независимых государствах им будут обеспечены равные права с «титовым» населением, не суждено было сбыться. Власти не сочли возможным автоматически распространить гражданские права на тех, кто поселился в балтийских республиках в советский период, и их потомков. Присутствие «мигрантов» среди населения считалось наследием советской «оккупации». В балтийской прессе выражалось недоверие к политической лояльности местных русских, высказывалось мнение, что русские тоскуют по потерянной советской империи и не желают приспособиться к новой политической реальности²⁵. В работах прибалтийских авторов можно встретить утверждения, не подкрепленные какими-либо доказательствами, о значительном числе среди иммигрантов из России лиц с уголовным прошлым²⁶. Радикальные националисты требовали даже поголовно выселить из республик всех русских. Так, лидеры Эстонского конгресса, образованного в феврале 1990 г., в своих программных заявлениях настаивали не только на скорейшем выводе советских войск, но и на отъезде «имперски настроенного русского пролетариата»²⁷. Широкой поддержки эти взгляды не получили, однако при решении вопроса о гражданстве применялся дифференцированный подход к разным группам населения. В результате «русский вопрос» в странах Балтии, в первую очередь в Эстонии и Латвии, оставался серьезной проблемой на протяжении всего постсоветского периода, оказывая непосредственное влияние на отношения этих стран с Российской Федерацией.

Без особых трудностей решение проблемы русского населения было найдено в Литве. Доля русских в населении республики была относительно невелика, и проблемы статуса русского населения как таковой не возникло. Уже в ноябре 1989 г., когда Литва еще оставалась в составе СССР, в республике были приняты законы, касавшиеся положения национальных меньшинств. Закон от 3 ноября автоматически распространял права гражданства на всех лиц, въехавших в Литву после Второй мировой войны, и их потомков. Другой Закон — от 23 ноября — гарантировал

образование на языках меньшинств и предусматривал другие меры, направленные на то, чтобы облегчить иммигрантам адаптацию в литовском обществе²⁸. Таким образом, на момент подписания договора об основах межгосударственных отношений России с Литвой в этой республике действовал Закон о гражданстве, реализующий так называемый нулевой вариант, — гражданами республики могли стать практически все ее жители, независимо от их этнического происхождения. В договоре о межгосударственных отношениях с Россией Литва брала на себя обязательства не устанавливать в отношении русских ценза оседлости, знания языка и любых других условий приобретения гражданства, отличных от тех, которые устанавливаются для всех других лиц (ст. 4)²⁹. В начале 1990-х гг. Закон о гражданстве был также дополнен Законами об этнических меньшинствах, об эмиграции и миграции и об образовании, которыми были конкретизированы права нелитовского населения³⁰.

В Эстонии и Латвии ситуация сложилась совсем по-другому. После восстановления независимости в законодательстве о гражданстве в Латвии и Эстонии был выбран не «нулевой вариант», а восстановление совокупности граждан довоенных республик. Юридическим обоснованием этого послужило провозглашение в 1991 г. независимости как восстановленной. Так, в Декларации Верховного Совета Латвийской ССР от 4 мая 1990 г. «О восстановлении независимости Латвийской Республики» заявляется, что де-юре Латвия существовала как субъект международного права и после 1940 г., поскольку ее вхождение в состав СССР не было признано более чем 50 государствами. 21 августа 1991 г. Верховным Советом Латвии был принят акт о преемственности и юридической идентичности Латвийской Республики 1920–1940 гг. и современной Латвии. Соответственно по постановлению Верховного Совета от 15 октября 1991 г. гражданство республики автоматически приобретали граждане республики 1920–1940 гг. и их потомки, в число которых попало только около 280 тыс. русских. Около трети избирателей Латвии, главным образом нелатыши, оказались лишены права на автоматическое получение гражданства. Порядок приобретения гражданства этими жителями республики, согласно концепции «восстановленной независимости», должен был определяться в соответствии с Конституцией 1922 г., т. е. избранным гражданами Латвии Сеймом (а не Верховным Советом, в соответствии с Декларацией от 4 мая 1990 г. осуществляющим высшую власть в стране лишь на период до избрания Сейма)³¹. В 1991 г. приняты Закон «О свободном развитии и праве на культурную автономию этнических групп Латвии» (19 марта) и Конституционный закон «О правах и обязанностях народа и граждан» (10 декабря)³². Однако эти Законы не раскрывали механизм приобретения гражданских прав. Закон о гражданстве Латвии был принят лишь в 1994 г.

В Эстонии в феврале 1992 г. восстановление действия Закона о гражданстве 1938 г. коснулось только около 120 тыс. русских жителей республики. Остальные, не являвшиеся потомками граждан довоенной Эстонии, согласно постановлению могли подавать заявление на натурализацию лишь по истечении двухлетнего срока пребывания в республике (который было решено отсчитывать с марта 1990 г.), и один год предусматривалось оставить на рассмотрение заявления³³. Хотя Закон 1938 г. предусматривал упрощенную натурализацию (без знания языка) лица без

гражданства, прожившего в Эстонии более 10 лет, решением Верховного Совета за начало этого срока было признано опять же 30 марта 1990 г. 28 июня 1992 г. граждане Эстонии на референдуме высказались против предоставления гражданства вне установленного сложного порядка и экзамена на знание эстонского языка 5 тыс. русским «мигрантам», которые подали заявление о гражданстве еще до достижения независимости³⁴. Специальный Закон, который раскрыл требование для желающего натурализоваться «понимать эстонский язык», вступил в силу в 1993 г.³⁵ 26 октября того же года был принят Закон об этнических меньшинствах и культурной и национальной автономии³⁶.

Таким образом, большинство русских и русскоговорящих жителей Латвии и Эстонии, прибывших в эти республики после войны, не попали в категорию лиц, которым гражданство предоставлялось автоматически, и оказались в неравном положении по сравнению с титульной нацией по целому ряду показателей. Прежде всего, не став гражданами, русские оказались исключенными из политической жизни республик. Фактически на основе довоенного избирательного корпуса в Эстонии (1992 г.) и Латвии (1993 г.) были проведены выборы в новые парламенты, а также приняты обновленные конституции этих государств. Особенным контрастом эти выборы выглядят по сравнению с 1990 г., когда Верховные Советы Прибалтийских республик, провозгласившие затем их независимость, выбирало все население республик. В Латвии, кроме того, неграждане были лишены всех избирательных прав и при выборах в местные органы власти, в Эстонии — пассивного избирательного права (права быть избранным)³⁷.

Дискриминация в отношении русских была допущена также при принятии законов и постановлений, определяющих правовой статус неграждан и порядок получения гражданства. Так, в Эстонии в первоначальном варианте Закона об иностранцах (июнь 1993 г.), целью которого было урегулирование статуса неграждан, все неграждане, проживающие в республике на основе советской прописки, объявлялись иностранцами и в течение двух лет обязаны были получить вид на жительство и разрешение на работу, подлежащие затем обновлению каждые пять лет. Поскольку большинство русских жителей, многие из которых прожили значительную часть жизни в республике, к тому времени не получили ни эстонского гражданства, ни российского или какого-либо другого, согласно Закону они приравнивались ко вновь прибывшим иностранцам. В окончательной редакции Закона эти положения после протестов международных организаций и России были все же сняты³⁸.

В Латвии порядок натурализации и правовой статус неграждан окончательно были определены в 1994–1995 гг. с принятием Законов о гражданстве и о статусе граждан бывшего СССР. До этого момента права лиц, не попавших в число граждан республики, регулировались многочисленными постановлениями и инструкциями, дававшими основания для широких злоупотреблений. Принятый во втором чтении (июнь 1994 г.), Закон предусматривал квоты натурализации в 0,1 % от общего числа граждан, или около 2 тыс. чел. в год, притом что более 300 тыс. неграждан могли ходатайствовать о получении гражданства не ранее 2000 г. Эти положения, откладывавшие перспективы получения гражданства для основной части русского населения на отдаленный срок, стали объектом критики

международных организаций и после возвращения Закона на доработку президентом страны Г. Улманисом в окончательной редакции (от 22 июля 1994 г.) были устранены. Тем не менее принятие Закона превратило в неграждан сразу около 700 тыс. жителей страны³⁹. Натурализация была обставлена следующими требованиями: ценз оседлости в пять лет, считая с 4 мая 1990 г., знание латышского языка, конституции и истории Латвии, клятвы в верности Латвийской Республике и наличие легальных источников доходов⁴⁰.

В Эстонии в 1996 г. получили эстонское гражданство 29 % русскоязычных, еще 12 % подали заявления на получение, но еще не получили, 18 % получили российское гражданство и еще 6 % подали соответствующие заявления и 38 % оставались без гражданства. В Латвии, по данным на 1997 г., удельный вес граждан бывшего СССР, не получивших никакого иного гражданства, составил 27,15 %. По процедуре натурализации с 1994 г. (когда был принят Закон о гражданстве) до 1999 г. здесь гражданство получили 13 тыс. из 640 тыс. неграждан. Из всех русских, не имеющих латвийского гражданства, 50 тыс. получили гражданство Российской Федерации, а 400 тыс. предпочли остаться «лицами без гражданства» с перспективой получения либо фиолетового «паспорта негражданина» и вида на жительство в Латвии, либо латвийского гражданства через процесс натурализации⁴¹. Всего к 1997 г., когда Прибалтийские государства стали заявлять о своем намерении вступить в Европейский Союз, только 94,7 тыс. чел. из почти миллиона неграждан Эстонии и Латвии прошли процесс натурализации. Более того, Еврокомиссия отмечала замедление темпов натурализации из года в год⁴².

Попавшие в категорию неграждан «балтийские русские» также оказались в неравном положении по сравнению с другими жителями данных республик. В Латвии, например, граждане имели преимущества в процессе приватизации, акционирования предприятий, при выплате пенсий и социальных пособий, при оплате коммунальных услуг и т. д. Негативно сказалось на положении русских жителей Балтийских государств и действие других законов и постановлений, вышедших после восстановления независимости, в частности Законов о языке и об образовании. Поскольку большинство русских в Латвии и Эстонии плохо владели языками титульной нации, переход государственных учреждений и системы образования соответственно на латвийский и эстонский языки также имел дискриминационный эффект. Таким образом, можно со всеми основаниями говорить о дискриминации русских в Латвии и Эстонии. Резкое ухудшение экономической ситуации в балтийских странах (как и на всем постсоветском пространстве) в начале 1990-х гг. затронуло русских с особенной силой, поскольку в критическом положении оказались прежде всего крупные предприятия (бывшего союзного подчинения), где русские рабочие и служащие составляли большинство. Возникли болезненные трудности для многих русских, связанные с поездками в Россию к родственникам и друзьям.

Российское руководство оказалось совершенно неготовым к такому ходу событий. В договорах, заключенных Россией с Прибалтийскими республиками в январе 1991 г. (во время визита Б. Н. Ельцина в Таллинн), стороны брали на себя обязательства гарантировать лицам, проживавшим на момент подписания в республиках и являвшимся гражданами СССР, право сохранить или получить

гражданство РСФСР или Балтийских республик «в соответствии с их свободным волеизъявлением» (ст. III). В ст. IV обоих договоров предусматривалось также, что конкретные вопросы, касающиеся гражданства, будут согласованы в особых двусторонних соглашениях. Российские руководители тогда полагали, что данные вопросы можно будет решить путем переговоров. Однако после поспешного признания независимости Прибалтийских республик в августе 1991 г. все эти расчеты рухнули — подобные соглашения («протоколы») так и не были выработаны⁴³.

К ситуации с русским населением в Латвии и Эстонии было привлечено и внимание Совета Европы. В мае 1992 г. Россия подала официальную заявку на вступление в эту организацию, при этом в выступлении на Комитете Министров Совета министр иностранных дел РФ А. В. Козырев заявил, что Москва надеется на помощь Совета Европы в решении проблем русского и русскоговорящего населения в странах Балтии. Тогда же был распространен Меморандум о нарушении прав человека в странах Балтии, в котором отмечалась недопустимость лишения гражданских прав русского населения Латвии и Эстонии, поскольку это приводит к его политической и социальной дискриминации⁴⁴. Вопрос о положении русских в Прибалтике был поднят Россией и в ООН, в частности на заседаниях Комиссии ООН по правам человека в Женеве. По инициативе России Генеральная Ассамблея ООН в 1992 и 1993 гг. принимала резолюции, в которых отмечалось существование в Латвии и Эстонии «проблем, затрагивающих большие группы населения различного этнического происхождения»⁴⁵. Впрочем, это не помешало Парламентской Ассамблее Совета Европы одобрить принятие государств Балтии в Совет (Эстонии и Литвы в 1993 г., Латвии — в 1995 г.)⁴⁶.

Так или иначе, власти Эстонии и Латвии, готовясь к вступлению в ЕС, во второй половине 1990-х гг. были вынуждены начать постепенное смягчение законодательства в области гражданства. В июле 1997 г. Европейская комиссия рекомендовала Латвии предоставить гражданство всем детям, родившимся после обретения независимости. В июне 1998 г. сейм проголосовал за поправки к Закону о гражданстве, которые были поддержаны референдумом 3 октября того же года (за было подано 53 % голосов). Поправки к Конституции Латвийской Республики, принятые 15 октября 1998 г., содержали положения о равенстве всех перед законом и о правах национальных меньшинств⁴⁷. Под давлением ОБСЕ по итогам референдума в 1998 г. в Закон о гражданстве была включена норма, предусматривающая особый порядок принятия в гражданство детей неграждан и лиц без гражданства, родившихся на территории Латвии после 21 августа 1991 г., — не натурализация, а прием в гражданство в соответствии с Конвенцией о сокращении безгражданства. Такие дети регистрируются в качестве граждан Латвии по совместному заявлению родителей до достижения возраста 15 лет⁴⁸.

В Эстонии упрощенный порядок получения гражданства также действует в отношении несовершеннолетних до 15 лет, если они сами и их родители являются лицами без гражданства. Соответствующие поправки в Закон о гражданстве были приняты в ответ на давление со стороны Запада⁴⁹. Всего на начало 2000-х гг. получить гражданство балтийских государств смогли около 200 тыс. русских и русскоязычных в Эстонии и около 285 тыс. — в Латвии. В Эстонии оставались около 300 тыс., в Латвии — около 400 тыс. русских и русскоговорящих неграждан⁵⁰.

Даже в Литве, с ее наиболее либеральным Законом о гражданстве, около трети из 750 тыс. чел. нелитовского населения оставались еще без гражданства⁵¹. Юридический статус лиц без гражданства в общем был признан международными организациями, однако в данной области оставались проблемы, способные осложнить российско-балтийские отношения.

Несмотря на все объективные и субъективные трудности, подавляющая часть русских в странах Балтии хотела бы остаться в этих странах. Некоторый отток населения, преимущественно некоренного, имел место в начальный период балтийской независимости. Пик эмиграции из стран Балтии пришелся на 1992–1993 гг. В 1992 г. из Литвы уехали 28 855 чел. (из них около 16 тыс. русских), из Латвии — 53 130 чел. (из них около 30 тыс. русских), из Эстонии — 37 375 чел. (из них около 25 тыс. русских). В следующем году число уехавших было уже меньшим: 15 990 в Литве, 31 998 в Латвии, 16 169 в Эстонии⁵². И в дальнейшем эмиграционный поток неуклонно сокращался, хотя и не иссякал совсем. Всего с 1989 по 1999 г. из Литвы в Россию переехали 84 тыс. чел., из Латвии — 160 тыс., из Эстонии — 92 тыс.⁵³

Наиболее свежие данные о численности населения Эстонии и Латвии и доли русских среди него выглядит следующим образом. В Эстонии, по предварительным данным переписи населения 2011 г., всего проживали 1 294 236 чел., в числе которых доля эстонцев составляла 68,7 %, русских — 24,8 % (русский язык при этом был родным для 29,6 % населения). В Латвии, по данным Управления по делам миграции и натурализации, на 1 июля 2012 г. все население составляло 2 млн 208 тыс. чел., в том числе латышей — 1 млн 315 тыс. (59,1 % населения), русских — 598 тыс. (27,1 %) ⁵⁴. Гражданство Латвии в 2012 г. имели 58,7 % нелатышей⁵⁵. В Литве, по данным переписи населения 2011 г., литовцы составляли 84,2 % населения, поляки — 6,6 %, русские — 5,8 % ⁵⁶. Таким образом, доля русского населения всех трех республик сократилась по сравнению с концом советского периода, хотя и не столь значительно. Отчасти поддержанию баланса между разными этническими группами способствует отток представителей «титального» населения, выезжающих на заработки в Европу: этот процесс активизировался после вступления государств Балтии в ЕС.

Согласно опросу конца 1995 г., 94 % русских считали Эстонию своим домом и никуда не собирались уезжать. Отношения между «коренными» и «некоренными» общинами в Эстонии и Латвии пока не могут быть оценены как оптимальные, но имеют тенденцию к улучшению. Неграждане и выбравшие российское гражданство в подавляющем большинстве считают, что их дети должны учить местные языки. Например, с 1989 по 1995 г. удельный вес русских, знающих латышский язык, возрос с 22,3 до 55,8 %. В Литве к концу 1990-х гг. на литовском языке свободно говорило около половины всего нелитовского населения, около трети владели литовским языком ограниченно и лишь 15 % не владели совсем. В Эстонии к тому же моменту среди национальных меньшинств доля лиц, говоривших по-эстонски, увеличилась до 35 % ⁵⁷. Данные опросов свидетельствовали, что при изменении условий действующего законодательства неграждане, например, в Эстонии гораздо охотнее выбирали бы гражданство этой республики, чем российское. Так, по данным исследования, проведенного в 1996 г. Международной организацией по миграции, лишь около 30 % российских граждан и 7 % лиц без гражданства «не

хотели» или «скорее не хотели бы» приобрести гражданство Эстонской Республики⁵⁸.

Балтийские русские не склонны видеть в себе прежде всего представителей определенной нации и отождествлять свою судьбу и будущее с судьбой и будущим собственного народа, они вообще не склонны ассоциироваться с какой бы то ни было группой — национальной, социальной, религиозной и даже возрастной. Стратегия поведения, которую избрало подавляющее большинство русских в Прибалтике, — стратегия чисто индивидуального приспособления и выживания. Впрочем, это не означает, что русские не способны на солидарные действия и массовые акции. Такие способности они продемонстрировали, в частности, во время борьбы за право школьного преподавания на русском языке в Латвии.

Согласно положениям нового Закона об образовании, принятого латвийским сеймом в 1998 г., с 1 сентября 2004 г. среднее образование, даже в рамках программ для меньшинств, должно было осуществляться только на государственном языке. В мае 2003 г., по мере приближения вступления этой нормы в силу, в стране начались широкомасштабные акции протеста⁵⁹. В мае 2005 г. Конституционный суд рассмотрел дело о соответствии данной нормы Конституции Латвии и международным договорам и вынужден был несколько смягчить ее⁶⁰. Школьное обучение на русском языке в Латвии хотя и сократилось, но не сошло на нет. В 2007/08 учебном году в стране действовали 141 русская и 88 смешанных (с двумя потоками: латышским и русским) школ (в 1991/92 учебном году таких школ было соответственно 219 и 178)⁶¹. С 2007/08 учебного года в русских гимназиях в Эстонии начался перевод на эстонский язык не менее 60 % «всей учебной работы», что также вызывает противоречивую реакцию в обществе. По официальным данным, в 2011/12 учебном году в общеобразовательных школах страны на эстонском языке обучались 105 272 ученика (77,3 % всех школьников), на русском — 25 942 (19,1 %)⁶².

В Эстонии и Латвии также имеются проблемы с использованием имен собственных на языке меньшинств. В Эстонии граждане славянского происхождения не могут использовать отчества как часть своего официального имени, что является нарушением ст. 11 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. В Латвии все имена должны писаться и склоняться по правилам латышского языка, что послужило основанием для дополнительного недовольства и протестов со стороны представителей русского населения. В Литве о подобных проблемах для местных русских не было слышно, зато ряд мероприятий литовских властей в языковой сфере в начале 2010-х гг., в частности запрет на использование указателей на польском языке в местах компактного проживания поляков и на написание польских имен в официальной документации по правилам оригинальной орфографии (в литовском алфавите отсутствуют некоторые буквы польского алфавита), явился источником поддержания напряженности в отношениях Литвы с Польшей⁶³.

Несмотря на все препятствия, тенденции к преодолению сложностей в «русском вопросе» в Прибалтике все же просматриваются. Большинство русских и русскоязычных жителей балтийских стран связывают свое будущее именно с ними. Положительная динамика «русского вопроса» важна и для нормализации российско-эстонских и российско-латвийских отношений.

- ¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119).
- ² *Швец Л.* От крестьянских этносов к современным нациям: национальные движения народов Балтии // *Страны Балтии и Россия: общества и государства.* М., 2002. С. 41; *Волков В. В.* Демография русского населения Латвии в XX–XXI веках // *Этническая политика в странах Балтии.* М., 2013. С. 178.
- ³ *Никифоров И. В., Полещук В. В.* Демография русского населения Эстонии в XX веке // *Этническая политика в странах Балтии.* С. 156.
- ⁴ *Apine I.* Ethnic Policy in the Baltic States // *The Baltic States at Historical Crossroads. Political, economic, and legal problems and opportunities in the context of international co-operation at the beginning of the 21st century.* Riga, 2001. P. 317.
- ⁵ *Никифоров И. В., Полещук В. В.* Демография русского населения Эстонии. С. 156–157; *Волков В. В.* Демография русского населения Латвии... С. 179.
- ⁶ *Abyzov J. I.* Die lettische Zweig der russischen Emigration // *Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941.* München, 1994. S. 115.
- ⁷ *Крупавичюс А.* Партии и партийные системы в балтийских государствах в период после 1990 г. // *Страны Балтии и Россия.* С. 342.
- ⁸ *Misiunas R. J., Taagepera R.* *The Baltic States. Years of Dependence 1940–1990.* Berkeley; Los Angeles, 1993. P. 112.
- ⁹ *Ibid.* P. 195.
- ¹⁰ Совет по внешней и оборонной политике. Проект Россия и Прибалтика. Решение проблемы русского и русскоговорящего населения в странах Прибалтики. URL: http://www.svip.ru/live/materials.asp?m_id=6882&r_id=6902 (дата обращения 23.12.2014).
- ¹¹ *Ziemele I.* State Continuity, Human Rights, and Nationality in the Baltic States // *The Baltic States at Historical Crossroads...* P. 236.
- ¹² *Misiunas R. J., Taagepera R.* *The Baltic States...* P. 64.
- ¹³ *Мусаев В. И.* Проблемы польско-литовских отношений на рубеже столетий // *Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории.* Т. 2. Государственные и административные границы Северной Европы. М.; СПб., 2012. С. 108.
- ¹⁴ *Фурман Д. Е., Задорожнюк Э. Г.* Притяжение Балтии (балтийские русские и балтийские культуры) // *Страны Балтии и Россия.* С. 440.
- ¹⁵ Россия в цифрах. Государственный Комитет РФ по статистике. М., 1995. С. 17.
- ¹⁶ *Фурман Д. Е., Задорожнюк Э. Г.* Притяжение Балтии... С. 444.
- ¹⁷ *Melvin N.* *Russians beyond Russia (The Politics of National Identity).* London, 1995. P. 25.
- ¹⁸ *Misiunas R. J., Taagepera R.* *The Baltic States...* P. 301–302, 307.
- ¹⁹ *Фурман Д. Е., Задорожнюк Э. Г.* Притяжение Балтии... С. 445.
- ²⁰ *Gerner K., Hedlund S.* *The Baltic States and the End of the Soviet Empire.* London; New York, 1993. P. 107–108.
- ²¹ *Фурман Д. Е., Задорожнюк Э. Г.* Притяжение Балтии... С. 447.
- ²² *Полещук В. В.* Русские в балтийском общественно-политическом дискурсе // *Этническая политика в странах Балтии.* С. 24.
- ²³ *Melvin N.* *Russians beyond Russia...* P. 36.
- ²⁴ *Kolsto P.* *Russians in the Former Soviet Republics.* Bloomington; Indianapolis, 1995. P. 119.
- ²⁵ *Ibid.* P. 132.
- ²⁶ *Apine I.* Ethnic Policy in the Baltic States. P. 309.
- ²⁷ *Valk H.* Two Roads to the Independence of Estonia or the Popular Front versus the Congress of Estonia // *The Baltic Way to Freedom. Non-violent struggle of the Baltic States in a global context.* Riga, 2005. P. 142.
- ²⁸ *Vardys V. S., Sedaitis J. B.* *Lithuania: The Rebel Nation.* Boulder; Oxford, 1997. P. 212.
- ²⁹ Россия и Прибалтика // *Россия — Балтия.* Доклады СВОП [Совета по внешней обороне и политике]: мат.-лы конференций. М., 2001. С. 52.
- ³⁰ *Apine I.* Ethnic Policy in the Baltic States. P. 322.
- ³¹ *История Латвии. XX век.* Рига, 2005. С. 404.

- ³² *Arīne I.* Ethnic Policy in the Baltic States. P. 124.
- ³³ *Taagepera R.* Estonia: Return to Independence. Boulder; San Francisco; Oxford, 1993. P. 208.
- ³⁴ *Фурман Д. Е., Задорожнюк Э. Г.* Притяжение Балтии... С. 451.
- ³⁵ Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии / под ред. В. В. Полещук. М., 2009. С. 121.
- ³⁶ *Arīne I.* Ethnic Policy in the Baltic States. P. 323.
- ³⁷ *Вушкарник А. В.* Проблемы отношений России со странами Балтии (1990–1996 гг.). М., 1997. С. 19–20.
- ³⁸ Россия и Прибалтика. С. 55.
- ³⁹ *Вушкарник А. В.* Проблемы отношений России со странами Балтии... С. 20–21.
- ⁴⁰ *Ziemele I.* State Continuity, Human Rights, and Nationality in the Baltic States. P. 235.
- ⁴¹ *Фурман Д. Е., Задорожнюк Э. Г.* Притяжение Балтии... С. 452.
- ⁴² *Коченов Д. В.* Европейский союз и этнополитика: пример Латвии и Эстонии // Этнополитика в странах Балтии. С. 309.
- ⁴³ Россия и Прибалтика. С. 56.
- ⁴⁴ Дипломатический вестник. 1992. № 9/10. С. 19–23.
- ⁴⁵ *Вушкарник А. В.* Проблемы отношений России со странами Балтии. С. 23.
- ⁴⁶ *Цилевич Б. Л.* Влияние органов Совета Европы на этнополитику в Латвии, Литве и Эстонии // Этническая политика в странах Балтии. С. 325.
- ⁴⁷ *Arīne I.* Ethnic Policy in the Baltic States. P. 331.
- ⁴⁸ Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии. С. 34.
- ⁴⁹ Там же. С. 123.
- ⁵⁰ Россия и Прибалтика. С. 59.
- ⁵¹ *Arīne I.* Ethnic Policy in the Baltic States. P. 328.
- ⁵² *Ibid.* P. 327.
- ⁵³ *Фурман Д. Е., Задорожнюк Э. Г.* Притяжение Балтии... С. 463.
- ⁵⁴ *Никифоров И. В., Полещук В. В.* Демография русского населения Эстонии. С. 168; *Волков В. В.* Демография русского населения Латвии... С. 183.
- ⁵⁵ *Богушевич Т. Б.* Протестная мобилизация русскоязычного меньшинства в Латвии // Этническая политика в странах Балтии. С. 237.
- ⁵⁶ *Марцинкявичюс А.* Русские в независимой и советской Литве: демография, социальное положение, идентичность // Там же. С. 215.
- ⁵⁷ *Фурман Д. Е., Задорожнюк Э. Г.* Притяжение Балтии... С. 454, 456/
- ⁵⁸ Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии. С. 122.
- ⁵⁹ Подробно см.: *Богушевич Т. Б.* Протестная мобилизация русскоязычного меньшинства в Латвии. С. 242–253.
- ⁶⁰ Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии. С. 65–66.
- ⁶¹ URL: http://izm.izm.gov.lv/upload_file/Izglitiba/Vispareja_izglitiba/Statistika/2007/skolu_sk_07.xls (дата обращения: 05.03.2015).
- ⁶² *Никифоров И. В., Полещук В. В.* Демография русского населения Эстонии... С. 169.
- ⁶³ *Ярве П.* Советское наследие и современная этнополитика стран Балтии // Этническая политика в странах Балтии. С. 48–49.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Мусаев В. И. Независимость стран Балтии и «русский вопрос» // Новейшая история России. 2017. № 2 (19). С. 176–191.
УДК 323.174

Аннотация: В статье рассматриваются история формирования русской диаспоры в Прибалтике в имперский и советский периоды, положение русского и русскоязычного населения в странах Балтии после восстановления их государственной независимости, политика России по защите прав русского

меньшинства в этих странах и влияние «русского вопроса» в Прибалтике на состояние российско-прибалтийских взаимоотношений. После распада Советского Союза в 1991 г. в независимых государствах Прибалтики, особенно в Латвии и Эстонии, этнические русские оказались в неравноправном положении, были ущемлены в своих гражданских правах. Процесс адаптации русского населения стран Балтии к новым условиям осложнен рядом объективных и субъективных трудностей. К ним следует отнести, в частности, ценз оседлости, высокие требования к уровню знания государственного языка, распространение антирусских настроений среди коренного населения, наступление властей на школьное образование на русском языке и в целом их стремление вытеснить русский язык из публичной сферы. Отсутствие удовлетворительного решения «русского вопроса» в странах Балтии препятствует, в числе других факторов, нормализации отношений этих стран с Российской Федерацией. Несмотря на все проблемы, отток русского населения из Прибалтики не приобрел массового характера. Большая часть русского населения связывает свое будущее с этими странами и прилагает усилия для улучшения своего положения.

Ключевые слова: постсоветское пространство, Прибалтика, этнические меньшинства, права человека, российско-балтийские отношения.

Сведения об авторе: *Мусаев В. И.* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); vmusaev62@mail.ru

FOR CITATION

Musaev V. I. Independence of the Baltic Countries and the “Russian Question”, *Modern History of Russia*, no. 2, 2017. P. 176–191.

Abstract: The article deals with the history of formation of the Russian ethnic group in the Baltic in the imperial and Soviet times, position of the Russian and Russian-speaking population in the Baltic countries in the last decades after restoration of their statehood, Russian policy aimed at protection of the rights of the Russian minority in these countries and influence of the “Russian question” in the Baltic upon the state of the Russian-Baltic relations. After disintegration of the Soviet Union in 1991 in the independent Baltic States, especially in Latvia and Estonia, the ethnic Russians found themselves in unequal position, their civil rights were infringed. The process of adaptation of the Russian population of the Baltic countries to the new conditions is complicated by a number of objective and subjective difficulties. Among them one can mention the residency requirement, strict demands concerning the level of knowledge of the state language, the spread of anti-Russian sentiments among the indigenous population, pressure of the authorities upon school education in Russian and in general their aspiration to drive the Russian language out of the public sphere. The absence of a satisfactory solution to the “Russian question” in the Baltic countries prevents, among other factors, the normalization of relations between these countries and the Russian Federation. Despite all the problems, the outflow of the Russian population of the Baltic States has not acquired a mass character. Most of the Russian residents see their future in these countries and make efforts aimed at improving their position.

Keywords: post-Soviet space, the Baltic region, ethnic minorities, human rights, Russian-Baltic relations.

Author: *Musaev V. I.* — Doctor of History, Senior Research Associate, Saint-Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); vmusaev62@mail.ru

References:

- Etnicheskaya politika v stranakh Baltii.* Eds. V. V. Poleshchuk, V. V. Stepanov (Moscow, 2013).
 Gerner K., Hedlund S. *The Baltic States and the End of the Soviet Empire* (London; New York, 1993).
Isroria Latvii. XX vek (Riga, 2005).
 Kolsto P. *Russians in the Former Soviet Republics* (Bloomington; Indianapolis, 1995).
 Melvin N. *Russians beyond Russia (The Politics of National Identity)* (London, 1995).
 Misiunas R. J., Taagepera R. *The Baltic States. Years of Dependence 1940–1990* (Berkeley; Los Angeles, 1993).
Problemy prav natsionalnykh menshinstv v Latvii i Estonii. Ed. V. V. Poleshchuk (Moscow, 2009).

-
- Rossia — Baltia. Doklady SVOP: mat-ly konferentsiy* (Moscow, 2001).
Strany Baltii i Rossia: obshchestva i gosudarstva (Moscow, 2002).
Taagepera R. *Estonia: Return to Independence* (Boulder; San Francisco; Oxford, 1993).
The Baltic States at Historical Crossroads. Political, economic, and legal problems and opportunities in the context of international co-operation at the beginning of the 21st century (Riga, 2001).
The Baltic Way to Freedom: Non-violent struggle of the Baltic States in a global context (Riga, 2005).
Vardys V. S., Sedaitis J. B. *Lithuania: The Rebel Nation* (Boulder; Oxford, 1997).
Vushkarnik A. V. *Problemy otnosheniy Rossii so stranami Baltii (1990–1995)* (Moscow, 1997).